

# ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ЛИСТОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи: Долгая улица, домъ № 13.

Рукописи должны доставляться въ Редакцію четко переписанными, за полною подписью автора и съ обозначеніемъ адреса. По усмотрѣнію Редакціи рукописи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

ВЫХОДИТЬ  
1 в 16  
каждаго  
мѣсяца.

Статьи, присланныя безъ указанія гонорара, считаются безплатными. Непринятые для печати рукописи возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ, если присланы марки на пересылку. Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются.

Годовая цѣна—5 руб.

## ОТДѢЛЪ I.

### Епархіальныя распоряженія и извѣстія.

Приняты по прошенію на вакансію надзирателей-тutorовъ при Варш. духовномъ училищѣ: псаломщикъ Бѣльскаго собора Съдлецкой губ., *Ст. Нехай*, и учитель церк.-учительскихъ курсовъ Яблочинской второклассной школы, *Леонтій Пухнаревичъ*,—оба студенты Холмской дух. семинаріи.

Утверждены: начальникъ Мѣховскаго у. Кѣлецкой губ., *Г. И. Новосельскій*,—въ должности предсѣдателя Мѣховскаго церк.-приходскаго попечительства. Начальникъ земской стражи Стопницкаго у. Кѣлецкой губ., *В. В. Якобсъ*, — членомъ и временнымъ предсѣдателемъ Стопницкаго церк.-строительнаго комитета. Мировой судья гор. Томашева, Петроковской губ., *М. Р. Вдовиченко*,—предсѣдателемъ церк.-приходскаго Томашевскаго попечительства. Князь *Г. Д. Аваловъ*—въ должности старосты Ченстоховской церкви.

Архипастырской резолюціей отъ 27 февр. **уволень** отъ должности, по прошенію псаломщикъ Покровской церкви Варш. Елисаветинской общины Краснаго Креста, *Владимиръ Филатовъ*.

Выражена **Архипастырская благодарность** и преподано благословеніе—со внесеніемъ въ послужной списокъ—благочинному IV округа, свящ. *И. Палецкому* за образцово составленный годовой отчетъ по благочинію какъ за истекшій 1909 г., такъ и за 1908.

По указу Св. Синода отъ 13 февр. за № 2304, **оставлень безъ послѣдствій** ходатайство крестьянъ—католиковъ с. Рудавки Сувалкской губ. „о возвращеніи имъ построенной на средства католиковъ и закрытой въ 1875 году въ названномъ селеніи р.-католической часовни и кладбища при ней“.

Резолюціей Архипастыря на докладъ Консисторіи отъ 15 февр. за № 1015 — **подтверждено** распоряженіе, „чтобы на сугубыхъ ектеніяхъ возглашались моленія объ отпадшихъ“, причемъ вмѣняется въ обязанность о. о. благочиннымъ, чтобы наблюдали за точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ сего.

Резолюціей Архипастыря отъ 15 февр., по поводу телеграммы нѣкоей Л. изъ гор. Ломжи съ просьбой о разрѣшеніи вступить въ бракъ, — предписано консисторіи сдѣлать объявленіе, „чтобы въ подобныхъ случаяхъ, какъ браки и пр. — не обращались бы за разрѣшеніемъ путемъ телеграммъ и притомъ сами непосредственно. Желательно, чтобы въ просьбахъ о семъ было и свидѣтельство мѣстнаго причта объ отсутствіи законныхъ препятствій къ браку или къ другому какому дѣлу“.

### Отъ Варшавской Духовной Консисторіи.

Варшавская Духовная Консисторія слушала: 1) сданное Его Высокопреосвященствомъ отношеніе Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 20 февраля с. г. за № 5963, въ коемъ изъяснено, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 27 — 28 ноября 1909 г. за № 9539, между прочимъ, постановлено: Высочайше утвержденное 6 іюня 1904 г. Положеніе о взаимномъ страхованіи отъ огня строеній духовнаго вѣдомства ввести въ дѣйствіе съ 1 января 1911 г. повсемѣстно, кромѣ епархій Восточной Сибири и Туркестанскаго края, а также Грузинскаго экзархата. Велѣдствіе сего, Г. Оберъ-Прокуроръ проситъ Его Высокопреосвященство сдѣлать нынѣ же зависящее распоряженіе о незаключеніи по Варшавской епархіи новыхъ страховыхъ строеній духовнаго вѣдомства въ какихъ-либо страховыхъ учрежденіяхъ, присовокупляя, что строенія, застрахованныя уже въ таковыхъ учре-

жденіяхъ, должны поступить во взаимное страхованіе строеній духовнаго вѣдомства со дня окончанія срока вышеуказаннаго страхованія въ другихъ учрежденіяхъ; и 2) положенную на семь отношеніи резолюцію Его Высокопреосвященства, отъ 26 февраля 1910 г. за № 388, слѣдующаго содержанія: „Въ Варшавскую духовную консисторію. Къ непремѣнному и точному исполненію. Напечатать въ ближайшемъ № Варшавскаго Епархіальнаго Листка“. Приказали: О вышеизложенномъ объявить духовенству Варшавской епархіи къ должному исполненію чрезъ напечатаніе въ Варшавскомъ Епархіальномъ Листкѣ“. „1“ марта 1910 года.

### Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ Варшавскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (мѣстныя средства) за 1909 г.

#### П р и х о д ъ:

Оставалось отъ 1908 г. къ 1-му января 1909 г. 545 р. 32 к. Поступило въ 1909 г.: ‰‰ по сберегательнымъ книжкамъ 30 руб. 70 к., кружечнаго сбора отъ церквей 130 руб. 23 к., 1‰ сбора отъ церквей 774 руб. 25 к., сбора 21 ноября отъ церквей 578 руб. 97 к., на вечернее освѣщеніе школъ отъ церквей 35 руб., на содержаніе Варшавской общей церковно-приходской школы отъ нѣкоторыхъ церквей г. Варшавы 400 р., изъ ‰‰ отъ капитала П. И. Куманина, назначенныхъ Его Высокопреосвященствомъ на нужды Варшавскихъ школъ: при Архіерейскомъ домѣ и Каодральномъ соборѣ 150 руб., на вознагражденіе по наблюденію за церковными школами варшавской епархіи, присланныхъ Издательскою Комиссіею Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ 140 р.—Итого поступило на приходъ 2784 р. 47 к.

#### Р а с х о д ъ:

Выдано въ пособіе церковнымъ школамъ въ 1909 г.

Варшавской общей (нынѣ Подвальной) 835 р., Шестаковской 155 р., Гроецкой 150 р., Варшавской при Архіерейскомъ домѣ 137 руб. 50 к., Рыпинской 80 р., Романовщинской 60 р., Варшавской Успенской 50 р., Пинчовской 40 руб., Лодзинской 40 р., Равской 30 руб., Варшавской при Архіерейскомъ домѣ изъ ‰ Куманина 50 р., Варшавской соборной изъ ‰ Куманина 45 руб. 34 к. Итого 1672 руб. 84 к. Израсходовано: на пересылку учебниковъ и учебныхъ пособій для школъ 14 р. 32 к., на путевые расходы по обзорѣннѣ школъ и командировку на экзамены 36 руб. 6 к., на расходы по обзорѣннѣ церковныхъ школъ (изъ суммы спеціально отпущенной на это въ 140 р.) 99 р. 99 к. на жалованье служащимъ въ Канцеляріи Совѣта

180 руб., на письменные и проч. принадлежности для Канцеляріи Училищнаго Совѣта 80 р. 22 к., на освѣщеніе Канцеляріи Совѣта 11 р. 52 к., на покупку книгъ и учебниковъ для школъ 7 р. 30 к., на почтовые расходы 4 р., за напечатаніе отчета о состояніи церковныхъ школъ Холмской и Варшавской епархій за 1907/8 учебный годъ 17 руб. 50 к., на выписку журналовъ: Церковныя Вѣдомости и Народное Образование для канцеляріи 8 р., разные мелкіе расходы 8 р. 5 к. итого 466 р. 83 к. Всего въ расходѣ 2139 руб. 80 к. На приходъ поступило вмѣстѣ съ остаточными отъ 1908 г. 2784 руб. 47 к. Израсходовано въ теченіе 1909 г. 2139 р. 80 к. Въ остаткѣ къ 1-му января 1910 года 644 р. 67 к.

Вѣрно: Казначей Совѣта, Священникъ Т. Теодоровичъ.

## ОТДѢЛЪ II.

### Рѣчь Ѳ. Д. Самарина въ Общемъ Собраніи братства 27 декабря 1909 г.

(О благоустройствѣ прихода).

(Окончаніе \*).

#### IV.

Молитва и помощь бѣднымъ — два главныхъ проявленія церковной жизни *въ предѣлахъ прихода*. Поэтому содѣйствуя церковной власти въ ея заботахъ о богослуженіи, привлекая мірянъ къ участію въ церковномъ пѣніи и чтеніи и вызывая къ жизни церковную благотворительность, Братство, несомнѣнно, будетъ способствовать тому возрожденію прихода, о которомъ въ послѣдніе годы такъ много было говорено. Но приходъ не есть что-то въ себѣ замкнутое и себѣ довлѣющее; онъ входитъ въ составъ общецерковной организациіи и неразрывно съ нею связанъ. Въ его жизни такъ или иначе должно отражаться все, что совершается въ епархіи, въ церкви помѣстной и даже въ церкви вселенской; и приходское общество, съ своей стороны, не можетъ оставаться равнодушнымъ къ тому, что происходитъ вокругъ него.

Къ сожалѣнію, однако, у насъ въ настоящее время связь между приходомъ и болѣе крупными единицами церковной организациіи, если не совершенно отсутствуетъ, то значительно ослабѣла. При всемъ упадкѣ приходскаго строя въ немъ все же еще значительно больше жизненности, чѣмъ, на примѣръ, въ епархіальной организациіи. Приходъ имѣетъ свое средоточіе въ храмѣ; общеніе между

\*) См. № 4.

прихожанами и ихъ духовная связь съ непосредственнымъ ихъ пастыремъ проявляется въ общей молитвѣ, въ постоянно повторяющихся при общемъ участіи всѣхъ прихожанъ обрядахъ, священнодѣйствіяхъ и таинствахъ; этимъ поддерживается и укрѣпляется внутреннее единство приходскаго общества. Не то въ епархіи. Отношенія между епископомъ и его паствою имѣютъ почти исключительно дѣловой и до извѣстной степени случайный характеръ. Многіе ли міряне видѣли своего епископа? Многіе ли знаютъ его иначе, какъ по имени? Его служеніе въ храмѣ видятъ и его поученія слышать лишь жители того города, гдѣ онъ имѣетъ пребываніе, да и то, конечно, далеко не всѣ. Само духовенство тоже сравнительно мало и рѣдко приходитъ въ соприкосновеніе со своимъ архипастыремъ. Можетъ быть, все это до извѣстной степени неизбѣжно, ибо такая отрѣшенность епископа отъ его паствы въ значительной мѣрѣ зависитъ, конечно, отъ цѣлой совокупности внѣшнихъ условій, съ которыми приходится считаться, и которыя не могутъ быть устранены по волѣ отдѣльныхъ лицъ. При всемъ томъ, однако, сложившійся у насъ строй епархіальной жизни слѣдуетъ признать глубоко ненормальнымъ. Мириться съ нимъ нельзя, и необходимо, во чтобы то ни стало, возстановить непосредственное общеніе епископа съ его паствою. Какъ это сдѣлать — вопросъ весьма трудный и сложный; но оставаться равнодушнымъ къ этому вопросу можетъ только тотъ, кому совершенно чуждо церковное дѣло.

Скажутъ, можетъ быть, что въ этомъ случаѣ ужь, несомнѣнно, безсильны частныя лица, хотя бы они и дѣйствовали совокупно въ составѣ обществъ и братствъ. Тутъ необходимы мѣры законодательныя, нужны преобразования, которыя устранили бы препятствія къ общенію между епископомъ и его паствою; требуется, наконецъ, властное слово собора, которое призвало бы всѣхъ къ обновленной жизни и указало бы надлежащія къ тому пути. Все это часто приходилось слышать за послѣдніе годы и нельзя не признать, что въ этихъ указаніяхъ много правды.

Да, безспорно, церковная организація наша настоятельно требуетъ многихъ преобразованій; *формы* церковной жизни не вѣчны; онѣ неизбѣжно должны приспособляться къ измѣняющимся по времени и мѣсту условіямъ, среди коихъ протекаетъ жизнь церкви. Если развитіе ихъ замедляется почему-либо, то церковная власть обязана принимать мѣры для того, чтобы приводить церковную организацію въ соотвѣтствіе съ измѣнившимися потребностями. Кто же можетъ лучше исполнить все это, чѣмъ соборъ?

Но, желая преобразованій въ области церковныхъ учрежденій, всей душой ожидая наступленія

того великаго дня, когда Богу угодно будетъ дать возможность живущему въ Церкви Духу торжественно проявить Себя въ соборѣ, — не слѣдуетъ забывать, что *для всего этого требуется предварительная работа церковнаго сознанія*. Необходимо, чтобы и пастыри, и пасомые прониклись тѣмъ *духомъ соборности*, который долженъ проявиться во всѣхъ начинаніяхъ церковной власти и, въ особенности, во всемъ, что относится къ созыву и къ дѣятельности собора.

О необходимости провести въ организаціи церковнаго управленія начало соборности много было говорено за послѣдніе годы; но при этомъ часто упускалось изъ виду, что соборность не есть какая-либо *внѣшняя норма* и никакими внѣшними мѣрами не можетъ быть осуществлена. Подъ соборностью у насъ иные склонны понимать нѣчто вроде особой *формы правленія*, которая можетъ быть по произволу введена и отмѣнена соотвѣствующими актами церковной власти. Но такое пониманіе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному значенію этого термина. Имъ характеризуется не *внѣшняя* сторона церковнаго строя, а *внутренняя* связь между всѣми членами церкви, связь, которая можетъ проявляться самыми различными способами, но которая неизбѣжно налагаетъ свой отпечатокъ на церковную организацію и на образъ дѣйствій, какъ должностныхъ лицъ церковныхъ, такъ и простыхъ членовъ церкви.

Духъ соборности вовсе не требуетъ, конечно, чтобы всѣ вѣрующіе занимали въ церкви совершенно равное положеніе и чтобы ни на комъ изъ нихъ не лежали какія-либо особыя обязанности, соединенныя съ нѣкоторыми исключительными полномочіями. Но, провозглашая и стараясь провести въ жизнь принципъ соборности, мы должны помнить, что въ силу этого принципа никто изъ членовъ церкви не имѣетъ права относиться къ церковному дѣлу безучастно, полагаясь на то, что тѣ, кому это дѣло вѣдать надлежитъ, сами знаютъ, какъ распорядиться, и ни въ чемъ содѣйствіи или совѣтѣ не нуждаются. Поэтому мы, міряне, должны придти къ сознанію, что и мы несемъ свою долю отвѣтственности за тѣ непорядки и нестроенія въ церковной жизни, которые мы такъ охотно обличаемъ. Но да позволено будетъ мнѣ сказать, что и церковная власть, съ своей стороны, проникшись духомъ соборности, не должна бы полагаться исключительно на себя и относиться равнодушно къ мнѣнію прочихъ вѣрующихъ, помня, что и они не лишены благодати Духа Святаго. Всѣ, кто стоитъ за соборность, должны бы убѣдиться, что слышать свободный голосъ *всѣхъ* членовъ церкви необходимо для самой церковной іерархіи, ибо ея дѣятельность будетъ усиѣнна только при сознательномъ участіи *всего народа церковнаго*.

При такомъ пониманіи соборности, очевидно, не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы провести этотъ принципъ въ жизнь одними дѣйствіями церковной власти. Требуется нѣкоторая внутренняя перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ между пастьями и пасомыми и во взглядѣ тѣхъ, и другихъ на церковное дѣло. Безъ этого всё, самыя необходимыя и цѣлесообразныя преобразованія церковнаго строя останутся безплодными; безъ этого самый соборъ легко можетъ обратиться въ чисто внѣшнее учрежденіе и его созывъ пройдетъ безслѣдно для нашей церковной жизни. Поэтому всё, кто дѣйствительно желаетъ, чтобы возможно скорѣе исчезли всё препятствія къ созыву собора и къ его плодотворному дѣйствию, всё, кто ждетъ отъ церковной іерархіи властнаго слова и рѣшительнаго дѣла для борьбы съ прискорбными явленіями современной нашей дѣйствительности, — словомъ всё, кто молится вмѣстѣ съ церковью, „да утолятся церковныя соблазны“, всё—міряне и духовные безразлично, — должны дружно приняться за работу, чтобы готовить постепенно ту внутреннюю перемѣну, о которой сейчасъ была рѣчь. Можно съ увѣренностью сказать, что въ этомъ святомъ дѣлѣ не встрѣтятся со стороны церковной власти никакихъ препятствій и что существующія церковныя учрежденія не послужатъ въ этомъ случаѣ помѣхою, лишь бы только мы всё—и міряне и духовные—дѣйствовали въ духѣ любви, той любви, которая, по слову апостола, „не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“.

Проникнутое желаніемъ принять посильное участіе въ этомъ великомъ всецерковномъ дѣлѣ Братство наше одною изъ своихъ обязанностей ставитъ содѣйствіе епархіальной власти въ разработкѣ вопросовъ церковно-общественной жизни. Далека отъ насъ мысль (говоря такъ, думаю, что выражаю убѣжденіе всѣхъ подписавшихъ уставъ), далека отъ насъ мысль, повторяю, вторгаться въ область, намъ недоступную; нѣтъ у насъ и тѣни намѣренія добиваться какихъ-либо правъ. Мы ничего не ищемъ для себя; но мы не можемъ оставаться посторонними и безучастными зрителями всего того, что совершается въ церкви, съ которою мы хотимъ жить одною жизнью. Мы считаемъ непозволительнымъ молчать при переживаемыхъ церковью нашей обстоятельствахъ; мы хотимъ только одного,—чтобы насъ выслушали, и мы вполне увѣрены, что церковная власть сама пойдетъ навстрѣчу нашему скромному начинанію.

V.

Наконецъ, есть еще одна сторона церковной жизни, въ которой замѣчаются въ настоящее время нѣкоторыя неблагопріятныя явленія въ зависимости отъ недостаточности общенія между руководящими элементами церковнаго общества и массою вѣрующаго народа. Я разумю *духовно просвѣтительную дѣятельность церкви*.

Ни для кого не тайна, что у насъ замѣчается нѣкоторое раздвоеніе между оффиціальнымъ богословіемъ и религіознымъ сознаніемъ какъ всей массы вѣрующихъ, такъ и той его части, нашего образованнаго общества,—которой не чужды вопросы вѣры. Богословскія изслѣдованія и учебники у насъ—сами по себѣ, а работа религіозной мысли сама-по-себѣ. Двигателями этой работы у насъ являются, главнымъ образомъ, мыслители, не призванные къ такой работѣ по своему положенію въ церкви.

Великіе подвижники, посвятившіе себя *созерцательной жизни*, съ одной стороны, и философы, художники, публицисты *изъ мірянъ*,—съ другой—вотъ, кто работалъ и работаетъ у насъ надъ уясненіемъ вопросовъ вѣры, вотъ, къ кому созданы главнѣйшія теченія нашей религіозной мысли. Что же касается нашихъ специалистовъ-богослововъ, то они, при всѣхъ достоинствахъ ихъ ученыхъ трудовъ остаются доселѣ какъ бы въ сторонѣ отъ того движенія, которое хоть и въ слабой степени, но все же совершается въ нашемъ религіозномъ сознаніи. Чтобы не быть голословнымъ, я назову для примѣра два имени—А. В. Горскаго и В. В. Болотова. Это были безспорно два великана учености; по необычайной обширности и разносторонности своихъ познаній, по выдающейся трудоспособности, по замѣчательному умѣнію основательно разрабатывать научный матеріалъ и дѣлать изъ него точные строго-обоснованные выводы они заняли бы почетное мѣсто въ любой странѣ среди дѣятелей науки. И что же? Пользуются ли они соотвѣтствующей извѣстностью у насъ? Я думаю, можно безошибочно сказать, что даже въ той части нашего образованнаго общества, которой не чужды интересъ къ вопросамъ вѣры, эти столпы нашей богословской науки извѣстны развѣ только по имени; о какомъ-либо положительномъ вліяніи ихъ на образъ мыслей нашего общества, на складъ его религіозныхъ понятій и представленій на отношеніе его къ вопросамъ вѣры не можетъ быть и рѣчи. А вспомните на-ряду съ этимъ епископа Θεοφана и Оптинскихъ старцевъ, а съ другой стороны—Хомякова, Достоевскаго, Вл. Соловьева и скажите: развѣ не воспитались на твореніяхъ этихъ людей цѣлыя поколѣнія?

Отчего же это зависитъ?

Не углубляясь во всестороннее изслѣдованіе этого труднаго вопроса, можно, однако, отмѣтить одну черту, имѣющую существенное значеніе для объясненія указаннаго явленія. Богословская школа развивалась у насъ всегда въ полной отрѣшенности отъ духовной жизни нашего общества. Оттого ученые труды нашихъ богослововъ не находятъ по большей части ни въ какой связи съ тою работою религіознаго сознанія, которая совершается въ нашемъ обществѣ, и не отвѣчаютъ на духовные запросы, вытекающіе изъ этой работы. Наоборотъ, свѣтскіе писатели, занимавшіеся вопросами вѣры, сами принадлежали къ обществу, и потому ихъ мысли производили на многихъ глубокое впечатлѣніе и находили себѣ живой откликъ въ самыхъ широкихъ общественныхъ слояхъ; что же касается писателей изъ числа подвижниковъ, то они, уйдя отъ міра, постоянно поддерживали, однако, живое общеніе со всѣми, кто, оставаясь въ міру, стремится къ духовной жизни.

Измѣнить нынѣшнее ненормальное положеніе нашей богословской науки, приблизивъ ее къ жизни, и, съ другой стороны, возбудить къ ней интересъ среди мыслящихъ мірянъ—вотъ задача огромной важности для нашей церкви. Разрѣшить ее, конечно, не подь силу такому скромному союзу, какъ наше Братство, но забывать о ней намъ не слѣдуетъ. Пока лица, призванныя по своему сану и по своей профессіи къ церковному учительству, будутъ находиться въ томъ состояніи духовнаго одиночества, какъ теперь, до тѣхъ поръ вся работа нашей богословской школы будетъ совершенно чужда всему, что есть мыслящаго въ русской церкви. И это, конечно, — бѣда не малая. Тутъ дѣло идетъ не только о большей или меньшей плодотворности самой богословской науки и объ ея болѣе или менѣе блестящемъ внѣшнемъ развитіи. Богословіе, являясь какимъ-то *carut mortuum* по отношенію къ религіозному сознанію нашего общества, не только не способствуетъ оживленію этого сознанія, но дѣйствуетъ на него прямо губительно. Построенія, формулы, схемы и доказательства, которыя вырабатываются нашею богословскою школою, распространяются черезъ посредство высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній до самыхъ низовъ народной массы. Они служатъ оправой, въ которой преподносятся истины вѣры всему учащемуся юношеству и непригодность этой оправы весьма многимъ препятствуетъ воспринять самое содержаніе вѣры.

Поэтому, если наше Братство будетъ по мѣрѣ силъ стремиться къ тому, чтобы и въ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія установилось живое общеніе между составными элементами церковнаго общества, то оно пойдетъ навстрѣчу дѣйствительной потребности нашей церковной жизни, и самая ма-

лая лепта, которую оно внесетъ въ это дѣло, будетъ имѣть великую цѣну.

## VI.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующій отвѣтъ на поставленный въ началѣ вопросъ. Братство наше есть союзъ церковный, имѣющій цѣлью работать надъ практическимъ и теоретическимъ разрѣшеніемъ вопросовъ церковной жизни въ той формѣ, какую эти вопросы получили у насъ въ настоящее время. На этой работѣ Братство желаетъ сблизить и сплотить воедино мірянъ съ духовенствомъ въ томъ убѣжденіи, что въ этомъ—единственно вѣрный путь къ тому, чтобы поднять церковную жизнь на должную высоту и укрѣпить вѣру.

Но скажутъ: при всемъ сочувствіи конечной цѣли, которую себѣ ставитъ Братство, нельзя не признать, что задачи, за разрѣшеніе коихъ оно берется, по своей обширности и сложности едва ли окажутся ему по силамъ. Какъ ни кратко и сжато опредѣляются въ уставѣ ближайшія цѣли дѣятельности Братства, въ нихъ затронуты цѣлый рядъ важнѣйшихъ сторонъ нашей церковной жизни, въ которыхъ замѣчаются издавна нѣкоторыя неблагопріятныя явленія; и если совокупнымъ усиліямъ нѣсколькихъ поколѣній церковныхъ дѣятелей доселѣ не удалось излѣчить нашу церковную жизнь отъ вкравшихся въ нее недуговъ, то можно ли ожидать какихъ-либо существенныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи отъ дѣятельности только-что нарождающагося небольшого общества? Не лучше ли въ виду этого ввести дѣятельность Братства въ болѣе тѣсныя рамки? Не цѣлесообразнѣе ли ему ограничиться какою-либо одною изъ намѣченныхъ задачъ?

Долженъ признаться, что эти опасенія возникали и у меня, и что при составленіи устава я высказалъ эти самыя мысли. Однако, остальные лица, участвовавшія въ этой работѣ, справедливо возстали противъ слишкомъ большого ограниченія задачъ Братства. Они находили, и я долженъ былъ съ ними согласиться, что при такой постановкѣ дѣла труднѣе было бы привлечь вниманіе къ дѣятельности Братства, осмыслить его начинанія и возбудить къ нимъ сочувствіе. Чрезмѣрно сузивъ задачи Братства, мы, можетъ-быть, облегчили бы его дѣятельность въ *практическомъ отношеніи*, но *принципіальное значеніе* нашего начинанія, еслибы не совсѣмъ было утрачено, то во всякомъ случаѣ для большинства затемнилось бы. Къ тому же, сохраняя въ уставѣ указаніе на предстоящія Братству разнообразныя стороны дѣятельности, учредители Братства никоимъ образомъ не думали, конечно, брать на себя обязательство, что сразу будетъ приступлено къ работѣ во всѣхъ направле-

ніяхъ. Имѣлось въ виду только опредѣлить *общій характеръ* дѣятельности Братства и поставить эту дѣятельность въ достаточно широкія рамки, чтобы въ послѣдствіи ничто не препятствовало при благоприятныхъ обстоятельствахъ заняться такими сторонами дѣла, которыя въ настоящее время представляются, можетъ - быть, почти недоступными. Но на первыхъ порахъ, очевидно, необходимо сосредоточиться на какомъ-либо одномъ небольшомъ дѣлѣ, съ котораго удобнѣе начать и которое соотвѣтствовало бы силамъ и средствамъ только-что возникшаго учрежденія. Поэтому изъ всего широкаго поля дѣятельности, открывающагося передъ Братствомъ, необходимо теперь избрать какую-нибудь одну небольшую полоску и, усердно ею занявшись, отложить разработку всего остального поля до того времени, когда начнутъ уже сказываться плоды нашей дѣятельности въ первоначальномъ маломъ ея объемѣ и когда силы наши окрѣпнутъ и возрастутъ.

На первую очередь всего естественнѣе было бы—выдвинуть заботы о церковномъ богослуженіи. Это соотвѣствовало бы существу дѣла, какъ оно разъяснено выше; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой области сравнительно легче достигнуть сколько-нибудь замѣтныхъ результатовъ при малыхъ средствахъ. Когда начинанія Братства въ этой области получатъ уже опредѣленную форму и поставлены будутъ на правильный путь, тогда слѣдовало бы обратиться къ организациі церковной благотворительности. Здѣсь придется уже значительно болѣе готовить почву, потребуется цѣлый рядъ данныхъ для выработки вполне цѣлесообразныхъ мѣръ; наконецъ, необходимо будетъ собрать нѣкоторыя матеріальныя средства и привлечь довольно многочисленный личный составъ работниковъ. Еще значительно болѣе трудными представляются задачи, намѣченныя въ послѣднихъ двухъ пунктахъ ст. 1-й устава, и потому ихъ цѣлесообразнѣе было бы отодвинуть на третью и на четвертую очередь.

Само собою разумѣется, однако, что такая послѣдовательность въ развитіи дѣятельности Братства, еслибы она была установлена, никоимъ образомъ не должна бы насъ стѣснять. Принимая теперь опредѣленный планъ работъ, мы вовсе не должны придерживаться его рабски и механически. Если обстоятельства укажутъ на возможность и необходимость въ чемъ-либо отступить отъ первоначально намѣченной программы, то нѣтъ надобности передъ этимъ останавливаться. Слѣдуетъ только помнить, что дѣятельность наша будетъ успѣшна и плодотворна лишь въ томъ случаѣ, если она не будетъ разбрасываться, если она будетъ развиваться постепенно, начиная съ самыхъ скромныхъ опытовъ и расширяясь въ зависимости

отъ возрастанія средствъ и въ соотвѣтствіи съ требованіями, которыя будутъ предъявляться самою жизнью.

## VII.

Отъ этихъ общихъ соображеній перехожу къ практическому вопросу о томъ, съ чего начать дѣло, какъ за него взяться. Если держаться намѣченной выше послѣдовательности въ разрѣшеніи предстоящихъ намъ задачъ, то прежде всего необходимо подумать о томъ, въ чемъ должно выразиться наше содѣйствіе церковной власти и приходскимъ учрежденіямъ въ ихъ заботахъ о церковномъ богослуженіи? Чѣмъ можемъ мы способствовать тому, чтобы міряне принимали возможно болѣе широкое участіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи?

Недостатки въ способѣ совершенія нашего богослуженія, о коихъ была рѣчь, зависятъ частью отъ неумѣнія исполнителей и отъ недостатка у нихъ художественнаго развитія, частью же отъ малочисленности личнаго состава нашихъ причтовъ. Соотвѣтственно этому и Братству надлежитъ, съ одной стороны, обучать церковному пѣнію и чтенію, съ другой—подготавливать лицъ, способныхъ помогать причту (безвозмездно или за извѣстное вознагражденіе) при совершеніи имъ церковныхъ службъ. Въ этихъ видахъ представлялось бы полезнымъ учредить школу, или, вѣрнѣе, вечерніе курсы для обученія церковному пѣнію и чтенію.

На первый взглядъ можетъ показаться, что нѣтъ никакой надобности въ особомъ учебномъ заведеніи для обученія церковному чтенію, т.-к. всякій грамотный человекъ тѣмъ самымъ уже вполне подготовленъ, будто-бы, для чтенія въ церкви. Но, во-первыхъ, есть различныя степени грамотности: кончившій курсъ въ начальной школѣ не въ состояніи читать такъ, какъ тотъ, кто получилъ среднее или высшее образованіе. Во-вторыхъ наши учебныя заведенія вообще мало обращаютъ вниманія на толковое и выразительное чтеніе вслухъ, и потому не всѣ лица, даже съ высшимъ образованіемъ, могутъ быть признаны тѣмъ самымъ способными читать вслухъ публично. Еще менѣе заботится наша школа о томъ, чтобы ея воспитанники умѣли читать по церковно-славянски; даже лица, прошедшія черезъ духовно-учебныя заведенія, сплошь да рядомъ ошибаются въ удареніяхъ и неправильно произносятъ славянскія слова; между тѣмъ, даже незначительныя ошибки и неправильности въ этомъ отношеніи неприятно поражаютъ при чтеніи въ церкви и мѣшаютъ слѣдить за содержаніемъ того, что читается. Наконецъ, помимо всего этого, церковное чтеніе по своему характеру непремѣнно должно отличаться отъ обыкновеннаго свѣтскаго чтенія; было бы странно, если бы Евангеліе и Апостольскія Посланія читались въ церкви

съ тѣми же интонаціями, какъ любое свѣтское произведеніе. Вѣдь и свѣтскія произведенія, очевидно, не всѣ должны читаться одинаково: нельзя однимъ тономъ читать обвинительный актъ или докладъ земскому собранію и какое нибудь художественное произведеніе; тѣмъ болѣе естественно, чтобы выработанъ былъ особый характеръ для чтенія въ церкви. У насъ принято читать въ церквахъ на-распѣвъ, постепенно повышая голосъ безъ всякаго отношенія къ содержанію читаемаго текста. Казалось бы, что этотъ установившійся обычай въ основѣ своей могъ бы быть сохраненъ, но онъ долженъ бы осуществляться не такъ грубо, какъ теперь, съ меньшей заботой о голосовыхъ эффектахъ и съ большимъ вниманіемъ къ смыслу того что читается. Выработать необходимые для этого приемы и усвоить себѣ соответствующія интонаціи едва ли сумѣютъ безъ надлежащихъ совѣтовъ и указаній даже лица, имѣющія уже нѣкоторый опытъ въ церковномъ чтеніи; тѣмъ болѣе требуютъ руководства въ этомъ отношеніи лица, хотя бы достаточно образованныя, но никогда не читавшія въ церкви. Изъ всего этого видно, что предполагаемая школа никакъ не будетъ излишнимъ учрежденіемъ; дѣла для нея найдется немало, и вліяніе ея можетъ оказаться благотворнымъ, лишь бы только удалось найти умѣлаго руководителя и способныхъ преподавателей.

Въ настоящее время, конечно, еще трудно опредѣлить во всѣхъ подробностяхъ организацію такой школы, но нѣкоторыя ея черты можно, кажется, намѣтить и теперь. Въ составъ учащихся надлежало бы принимать всѣхъ желающихъ лицъ обо-его пола, не требуя какого-либо образовательнаго ценза, кромѣ той степени грамотности, какая дается окончаніемъ курса въ начальной школѣ. Затѣмъ всѣ учащіеся естественно распредѣлялись бы на два разряда: къ первому относились бы лица, имѣющія уже нѣкоторый навыкъ въ церковномъ чтеніи, наиримѣръ, псаломщики и свѣтскія лица, ихъ нерѣдко замѣняющія, какъ по собственной охотѣ, такъ и по найму; всѣ прочія лица составили бы второй разрядъ. Независимо отъ этого при многочисленности учениковъ 2-й разрядъ могъ бы дѣлиться на группы по образовательному цензу учащихся: лица, окончившія курсъ въ начальной школѣ, съ одной стороны, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—съ другой. Сколько времени долженъ продолжаться курсъ обученія въ такой школѣ—покажетъ опытъ; необходимо только, чтобы школа выпускала лицъ, вполне способныхъ исполнять обязанности псаломщика (по крайней мѣрѣ, относительно чтенія), и притомъ исполнять ихъ не хуже, чѣмъ лучшіе изъ теперешнихъ псаломщиковъ. Обученіе должно состоять въ слѣдующемъ: каждый текстъ сначала разучивается медленно, при-

чемъ даются краткія объясненія, встрѣчающихся въ немъ непонятныхъ словъ, выражений и оборотовъ рѣчи, а также сообщаются необходимыя литургическія свѣдѣнія; затѣмъ этотъ текстъ читается такъ, какъ онъ долженъ быть прочтенъ въ церкви, причемъ обращается вниманіе на то, чтобы каждое слово выговаривалось вполне внятно и отчетливо, чтобы соблюдались указанная въ книгахъ церковной печати ударенія, чтобы согласные и гласные звуки произносились такъ, какъ принято ихъ произносить по-славянски, чтобы дѣлались необходимыя остановки на знакахъ препинанія и въ связи съ этимъ соответствующія повышенія и пониженія голоса, а также логическія ударенія и, наконецъ, чтобы чтеніе удовлетворяло элементарнымъ требованіямъ въ музыкальномъ отношеніи. Преподавателями такой школы могли бы быть лучшіе чтецы, избранные изъ числа Московскихъ диаконовъ и псаломщиковъ или изъ монастырскихъ канонарховъ. Завѣдываніе ею должно бы быть возложено на одного изъ преподавателей. На первое время, конечно, достаточно было бы одного учителя, онъ же и завѣдующій.

Параллельно съ обученіемъ церковному чтенію и въ тѣхъ же классахъ надлежало бы вести и преподаваніе церковному пѣнію. Дѣло это, конечно, значительно сложнѣе, но зато тутъ имѣется уже нѣкоторый опытъ, которымъ и слѣдовало бы воспользоваться. Общество Любителей церковнаго пѣнія, какъ извѣстно уже второй годъ устраиваетъ регентскіе классы, а нынѣшнею зимою оно приступило сверхъ того къ организаціи курсовъ начальной школы для обученія церковному пѣнію. Намъ необходимо, кажется, прежде всего ознакомиться съ организаціею этой школы и съ постановкою въ ней дѣла. Этимъ путемъ мы получимъ, конечно, цѣнныя указанія, соответственно которымъ и надо будетъ организовать преподаваніе церковнаго пѣнія въ нашей будущей школѣ. Поэтому теперь представляется преждевременнымъ входить въ какія-либо подробности по этому предмету.

Какую же пользу могли бы принести подобныя школы?

Прежде всего, онѣ способствовали бы распространенію любви къ церковному богослуженію, развивали бы пониманіе его и возбуждали бы охоту къ участію въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Затѣмъ, уровень требованій, предъявляемыхъ къ церковнымъ чтецамъ, естественно сталъ бы повышаться, развивалось бы представленіе о томъ, каково должно быть церковное чтеніе, и это могло бы способствовать устранинью наиболѣе часто встрѣчающихся теперь въ церковномъ чтеніи недостатковъ. Далѣе, появилось бы нѣкоторое число лицъ, способныхъ замѣнять псаломщиковъ во время цер-

ковной службы или, по крайней мѣрѣ, помогать имъ; изъ этихъ лицъ одни, вѣроятно, не отказались бы исполнять нѣкоторыя обязанности псаломщиковъ добровольно и безвозмездно, хотя бы по большимъ праздникамъ; другія дѣлали бы то же самое за извѣстное вознагражденіе, что представляется особенно важнымъ, такъ какъ теперь въ случаѣ болѣзни псаломщика бываетъ совершенно невозможно найти подходящее лицо для временнаго исполненія его обязанностей. Наконецъ, подготовлены были бы кадры пѣвцовъ для введенія общаго пѣнія въ церквахъ.

Само собою разумѣется, что и организацию общаго, всенароднаго пѣнія нельзя начинать сразу въ широкихъ размѣрахъ. Къ нему надо приступать очень осторожно, дѣйствуя постепенно и тщательно подготавливая для него почву. Въ особенности важно обратить вниманіе на то, что Братство, во всякомъ случаѣ, можетъ принимать какія-либо мѣры для организациі общаго пѣнія лишь тамъ, гдѣ на это изъявлено будетъ согласіе настоятелемъ церкви и церковнымъ старостою. Въ приходахъ, гдѣ, благодаря проектируемымъ нами школамъ или независимо отъ нихъ наберется достаточное количество лицъ, нѣсколько подготовленныхъ къ участию въ хоровомъ пѣніи и получившихъ первоначальное знакомство какъ съ текстомъ важнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній, такъ и съ главнѣйшими церковными напѣвами, можно было бы приступить къ опытамъ исполненія всею церковью нѣкоторыхъ простѣйшихъ молитвъ и пѣснопѣній по воскреснымъ днямъ послѣ вечерни. Такіе опыты уже производились, какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ церквахъ и. кажется давали хорошіе результаты; теперь слѣдовало бы попробовать то же самое въ другихъ приходахъ, а тамъ, гдѣ дѣло уже начато, можно было бы его нѣсколько расширить, вводя понемногу общее пѣніе за самой вечерней. Затѣмъ, если дѣло пойдетъ успѣшно, то можно было бы постепенно переходить къ пѣнію во время литургіи, начиная, конечно, съ краткихъ отвѣтовъ на возгласы священника и діакона, на примѣръ, *Аминь* и *Духови твоему, Господи помилуй, Поддай Господи* и т. п. При этомъ, пѣснопѣнія, нѣсколько болѣе трудныя, могли бы исполняться хоромъ, составленнымъ изъ наиболѣе способныхъ къ пѣнію прихожанъ.

Высказывая все эти соображенія, я, разумѣется, не имѣю и въ мысляхъ притязанія на то, чтобы общее собраніе сейчасъ же ихъ приняло; мнѣ представляется несвоевременнымъ даже слишкомъ обстоятельное ихъ обсужденіе. Мы теперь не подготовлены къ тому, чтобы немедленно рѣшить вопросъ о томъ, какъ приступить къ дѣлу. До-

статочно будетъ, если мы по этому вопросу обмѣняемся между собою взглядами, чтобы узнать, какія въ средѣ нашей существуютъ по данному вопросу мнѣнія, и какія намѣчаются предположенія. Затѣмъ все, что будетъ предложено, необходимо передать на заключеніе Совѣта, которому, очевидно, придется поручить представить ближайшему собранію свои соображенія о томъ, съ чего Братство должно начать свою дѣятельность. Въ надеждѣ, что Собраніе пойдетъ въ этомъ дѣлѣ такимъ путемъ, я и позволилъ себѣ утруждать ваше вниманіе изложеніемъ своего взгляда на дѣло. Буду вполнѣ удовлетворенъ, если Собраніе найдетъ возможнымъ передать мои предположенія на разсмотрѣніе Совѣта.

(Моск. Вид.).

Теодоръ Самаринъ.

## Первое привѣтственное слово священника къ новой пастырѣ.<sup>1)</sup>

Братіе!

Первую литургію я совершаю въ этомъ храмѣ, какъ пастырѣ, какъ настоятель сей церкви Успенія Божіей Матери — и первую безкровную жертву приношу за всехъ молящихся подъ сѣнью этого древняго храма, за всехъ спасающихся подъ покровомъ Царицы Небесной, незримой Покровительницы и Заступницы храма сего и всехъ предстоящихъ въ немъ. Исполненный христіанской радости отъ перваго молитвеннаго общенія съ вами, я прошу васъ выслушать первое мое вамъ — моимъ прихожанамъ пастырское слово.

Съ чего начать мое пастырское привѣтствіе, размышляя я вчера въ вечернемъ одиночествѣ, прочитывая мѣста изъ посланій ап. Павла, его пастырскія наставленія Тимоѳею и Титу, ища въ нихъ вразумленія и отвѣта на свой вопросъ. Други мои! Я не могъ найти иныхъ, болѣе потребныхъ для васъ въ сію минуту словъ какъ слова Спасителя своимъ скорбящимъ и смущеннымъ ученикамъ, — эти слова: „Миръ вамъ“, братіе! Успокоеніе, небесная отрада и примиреніе съ постигшимъ Успенскій приходъ — горемъ да прольются въ ваши скорбящія сердца, исполнивъ ихъ христіанскаго упованія и молитвенной энергіи. Можно ли забыть такъ недавнее: третье воскресенье назадъ почившій вашъ пастырѣ — о. Юрій еще предстоялъ на моемъ мѣстѣ, а одно воскресенье — ближе — уже возвышался его гробъ, раздавались теплыя надгробныя рѣчи его сослуживцевъ, провожавшихъ

<sup>1)</sup> Произнесенное въ Варшавской Успенской церкви 31 января 1910 г.



вмѣстѣ съ вами—своего старѣйшаго и достойнѣйшаго собрата. Братіе! и я скорблю съ вами, и я чувствую тяжелую утрату вашего добраго пастыря, который и для меня былъ дорогъ, былъ мнѣ благожелателенъ и друженъ. Господь его забралъ въ лучший міръ, — и въ вашей смущенной, неумиротворенной душѣ я—преемникъ почившаго —какъ будто слышу вопросъ: кто-же — ты такой, какое нравственное право позволило тебѣ занять мѣсто одного изъ старѣйшихъ и достойнѣйшихъ пастырей Варшавы? Какое оправданіе твоему здѣсь пастырству? Отвѣтитъ на послѣдній вопросъ —сейчасъ нельзя,—отвѣтомъ будетъ вся моя дѣятельность, мое пастырское служеніе, которое или оправдаетъ меня предъ Архипастырской властью, давшей мнѣ полномочія по Успенскому приходу, и предъ вами, моими прихожанами или, наоборотъ, осудитъ. Моя надежда и забота, чтобы отвѣтъ былъ лучшей.

Непреложны слова Спасителя о пастырствѣ: ...и онъ зоветъ своихъ овецъ по имени и выводитъ ихъ... и овцы за нимъ идутъ, потому—*что знаютъ голосъ его* (Іоан. X, 3—4). Надо намъ, братіе, знать другъ друга, чтобы войти въ тѣ должныя отношенія, безъ которыхъ немислима пастырская работа, взаимное сотрудничество и, какъ результатъ этого — наше религіозно-нравственное преуспѣяніе. Являясь впервые передъ вами, большинству изъ васъ совершенно невѣдомый, я позволю о себѣ сказать вкратцѣ то, что можно сказать о самомъ себѣ.

Я, по происхожденію, сынъ старой духовной семьи, которая воспитала меня на просторѣ полей и лѣсовъ не богатаго, но милого моему сердцу Вольненскаго Полѣсья. Думаю, что ничто въ созданіи моего нравственного облика не отразилось такъ сильно, такъ незабвенно, какъ свѣтлые образы отца—скромнаго сельскаго священника, труженика до пота—и благоговѣнной матери, любившихъ насъ —дѣтей до самоотверженія. Атмосфера высокой религіозности, безъ тягостнаго принужденія въ отношеніи къ дѣтямъ, правдивость, простота жизни, близость къ природѣ и народу—окружали меня съ первыхъ дней сознанія до выхода въ самостоятельную жизнь. Мнѣ не говорили, не загадывали —чѣмъ я долженъ быть. Я чувствовалъ, изрѣдка слышалъ, какъ мечту, желаніе отца и семьи, чтобы я прошелъ высшую школу—и только. Я учился въ духовной школѣ. По окончаніи ея, не сразу сталъ священникомъ, даже отклонилъ предложеніе мнѣ принять священный санъ, считая себя неподготовленнымъ. Больше трехъ лѣтъ я былъ учителемъ, а затѣмъ въ 1895 г. сталъ сельскимъ священникомъ. И только по принятію священства, я услышалъ отъ отца, что теперь исполнилось его завѣтное желаніе—онъ видитъ меня священникомъ;

но скромность его, всегда соединявшаяся съ какой-то нѣжной любовью ко мнѣ — не позволяла отцу предварить свое желаніе.... И я благодарю Бога за свое священство, какъ безцѣнный даръ и милость Божію для служенія людямъ! 7 лѣтъ я священствовалъ въ селѣ Дратовѣ, Любл. губ., и благословляю это время своей служебной дѣятельности, когда я впервые обручился съ церковью, народомъ, какъ его пастырь. Тамъ, подъ покровомъ свят. Николая, я учился пастырству, и воспитателями моими были мои сотрудники—псаломщикъ, учителя, народъ и сама природа. Я такъ сжился, полюбилъ свою жизнь и свое дѣло, что никогда не думалъ разстаться съ Дратовомъ, и разставаясь съ первой своей церковью, съ первымъ своимъ приходомъ, я, казалось, разрывалъ свое сердце. И вотъ уже слишкомъ 7 лѣтъ—моего служенія въ Варшавѣ, но духовная связь съ первымъ приходомъ существуетъ, и меня нерѣдко ласкала мысль вернуться когда нибудь въ первобытное состояніе. 7 лѣтъ я служилъ въ первомъ Варшавскомъ храмѣ — Кафедральномъ соборѣ. Здѣсь жизнь другая, иныя условія пастырскаго служенія, и—что-же скрывать! вѣдь правда—святѣе всего,— мнѣ казалось, что я здѣсь былъ гораздо менѣе полезенъ, чѣмъ хотѣлъ-бы, чѣмъ долженъ быть, что я былъ нужнѣе въ Дратовѣ, что осуществить свое пониманіе пастырскаго дѣла — не сумѣю. Передо мной была масса людей, но какъ то далекая, маловѣдомая, объединявшаяся только въ храмѣ, а тамъ — за храмомъ — какъ будто — чужіе, а я прежде зналъ своихъ прихожанъ не только по имени, но по жизни, по духу, по нуждѣ, по радостямъ ихъ,—и тогда мнѣ мечталось—небольшой храмъ, въ которомъ бы даже пространство сближало пастыря и людей, гдѣ бы я зналъ своихъ, и [мои знали меня. Завѣтная моя мысль о приходѣ, какъ тѣсномъ кружкѣ вѣрующихъ, объединенныхъ со своимъ пастыремъ не только въ молитвѣ, таинствахъ, обрядахъ, но и въ служеніи благу ближнихъ, въ дѣлахъ взаимопомощи,—идея, которая создалась у меня на груди народа, которая глубоко залегла въ моей душѣ, какъ что-то завѣтное, осмысливающее мою жизнь,—заставляла меня мечтать въ этомъ направленіи, изучать этотъ приходскій вопросъ и отчасти дѣлать свои завѣты предметомъ общественнаго достоянія въ печати. А сочувствіе, выражавшееся мнѣ со стороны даже невѣдомыхъ мнѣ людей, ободряло и поддерживало мою вѣру во возможность осуществленія моей приходской мечты. Не скрою, братіе, — въ жизненныхъ мечтахъ, порой, когда желаніе чего то лучшаго устремляетъ насъ въ даль, я иногда останавливался и на Успенской церкви. Своею уютностью, своимъ замѣтнымъ центромъ, въ лицѣ достойнаго пастыря, она, казалось, скорѣе всего могла-бы осуществить идею лучшаго

устроения прихода. И действительно, сплотившейся приходской совѣтъ, какъ ядро приходской общины, заявилъ себя за короткое время весьма замѣтной дѣятельностью. Благолѣпіе храма создавалось при большомъ содѣйствіи членовъ приходскаго совѣта, а связь прихода и приходскаго совѣта со своимъ пастыремъ нагляднѣе всего выразилась въ единодушной скорби, которая охватила весь приходъ, перейдя далеко за предѣлы его, и въ томъ стараніи прихода, чрезъ приходскій совѣтъ, отдать послѣдній долгъ своему любимому пастырю возможно торжественнѣе и теплѣе. Съ лучшими надеждами, съ святыми желаніями и въ то же время съ радостью иду я въ вашъ приходъ, желая употребить всѣ силы свои и свое разумѣніе во славу Божию и для вашего спасенія. Но предстоитъ мнѣ и вамъ—дѣло не легкое. Жизнь въ приходѣ, этой хотя и самой маленькой клѣточкѣ великаго церковнаго организма, весьма многообразна и сложна. А надобно—эту многосторонность и сложность прижизни взаимными усиліями пастыря и людей направить къ одной общей цѣли—добру, устроению царства Божія въ душахъ людей. И согласно наставленію ап. Павла (1 Кор. XII), каждый живой, не мертвый членъ церкви нуженъ ей и какъ устроитель своего спасенія и сотрудникъ въ благо ближняго. Взаимопомощь духовная — благодатная и матеріальная — житейская вотъ основа лучшаго приходскаго устроения. Къ ней я призываю всѣхъ тѣхъ, которые будутъ молиться съ нами, будутъ считать себя прихожанами Успенской церкви, желаящими спастись подъ сѣнью Царицы Небесной, нашей приходской и всего міра Заступницы, — призываю всѣхъ — къ общему дѣлу — мужчинъ и женщинъ, ученыхъ и простодовъ, богатыхъ и бѣдныхъ,—будемъ купно жить, молиться, трудиться на благо ближнихъ, особенно нашего меньшаго, несчастнаго, бѣдствующаго брата, и въ этомъ найдемъ свое спасеніе. Но умоляю васъ, други, словами апостола: молитесь за насъ, братіе, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось среди васъ (2 Тессал. III, 1) а самъ Господь нашъ І. Христосъ и Богъ и Отецъ нашъ да утѣшитъ ваши сердца и да утвердитъ васъ во всякомъ словѣ и дѣлѣ благомъ (2 Тессалон. III. 16).

Священникъ *Т. Теодоровичъ.*

31 января 1910 г.

Варшава.

## Двадцатипятилѣтіе архипастырства.

2-го февраля исполнилось 25 лѣтъ со дня архіерейской хиротоніи Высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго Флавіана.

По поводу этого юбилея „Колоколь“ пишетъ:

„25 лѣтъ архіерейскаго служенія церкви Божіей — то великій жизненный подвигъ! 25 лѣтъ епископства — это непрерывное горѣніе и изгораніе души и сердца человѣка, на верху горы стоящаго, откуда ни на одну минуту нельзя укрыться отъ напряженныхъ глазъ милліоновъ, ищущихъ свѣта и выскивающихъ тѣни въ высокомъ отвѣтственномъ положеніи служителя алтаря Господня.

Высокопреосвященный митрополитъ — юбиляръ, призванный Богомъ изъ свѣтской среды и поставленный на высокую свѣщницу архіерейства, — четверть вѣка разливалъ чистый, тихій, немерцающій свѣтъ православія въ тѣхъ областяхъ нашей великой отчизны, гдѣ ярится еще тьма, религіозная борьба и нетерпимость.

Личность и церковная жизнедѣятельность святителя Флавіана, начиная съ его иноческой юности и кончая нынѣшнею мастиною старостію, была вездѣ осуществленіемъ той истинно-христіанской и святоотеческой любви, которая, по апостолу, „долготерпитъ и милосердствуетъ,“ „не завидуетъ и не превозносится,“ „не раздражается и не мыслитъ зла“, „все покрываетъ и переноситъ,“ „всему вѣритъ и надѣется“ (1 Кор. 13 гл. 4—8).

Свѣтскій по рожденію и воспитанію, Преосвященный, надѣленный обаятельными качествами ума яснаго, трезваго, сердца добраго и чуткаго, характера покойнаго и терпѣливаго, — владыка Флавіанъ прошелъ черезъ горнило строгой и сложной иноческой школы, бывшей на протяженіи многихъ вѣковъ исторіи нашей Церкви тою богословской академіей высокаго духа вѣры и подвиговъ благочестія, которая создавала стлпы церкви и украшеніе нашей іерархіи.

Имя святителя Кіевскаго достопримѣчательно тѣмъ, что пользуется непререкаемымъ уваженіемъ и одинаковымъ почитаніемъ всей церкви: владыку Флавіана душевно любятъ архипастыри и пастыри и сердечно благоговѣютъ предъ нимъ и мірянepаства.

Отъ юности и до старости одинаково безстрастный и христіанскій равнодушный ко всѣмъ благамъ міра, какъ скоро-преходящимъ и тлѣннымъ, владыка Флавіанъ, однако, никогда не былъ узкимъ фанатикомъ, презирающимъ и попирающимъ міръ и яже въ немъ.

Огрѣшившись отъ міра, посвятивъ себя измлада иночеству, владыка ничего въ жизни не искалъ, но получалъ отъ Бога тѣ великія и богатыя милости,

которыхъ никогда не ожидалъ, которыхъ другіе пламенно желали и не достигали.

Въ отношеніи милостей благого Провидѣнія и искренней любви у людей—высокопочтимый іерархъ-юбиляръ можетъ почитаться счастливейшимъ изъ людей своего круга, и это счастье Божественнаго Провидѣнія сопутствовало ему, разливалось и сіяетъ всюду въ высокоплодотворномъ служеніи Высокопреосвященнаго Флавіана Церкви Божіей. Вся величавая и обаятельная личность высокопочтимаго Кіевскаго святителя являетъ въ исторіи его жизнедѣятельности живой примѣръ и глубоконазидательный образецъ того, что лучшее счастье въ нашей жизни преуготовляетъ смиренная покорность Волѣ Божіей“.

Варшавская епархія, пребывающая всегда благодарною Высокопреосвященному Флавіану при мысли объ Его святительствѣ въ Варшавѣ, имѣетъ много побужденій желать. Высокопочтимаго Кіевскаго митрополиту еще многихъ и многихъ лѣтъ.

### Пропаганда баптизма.

Воинствующее въ наше время движеніе баптизма не есть случайное порожденіе религіознаго броженія не столько мысли, сколько чувства, какъ это бываетъ при зарожденіи и распространеніи другихъ сектъ, а организованный, планомѣрный, рассчитанный детально походъ на православную церковь.

Планы баптистовъ широки, они задумали совершить съ православною церковью то, что Лютеръ произвелъ въ XVI вѣкѣ съ католической; но только они идутъ еще далѣе Лютера въ своихъ реформахъ, стараясь искоренить и уничтожить Божественныя установленія, чрезъ которыя человечество входитъ въ таинственное общеніе съ Богомъ и получаетъ божественную благодать, укрѣпляющую его силы на борьбу со зломъ, и стараются внушить ему, что и самая борьба съ зломъ не нужна, бесполезна.

Баптизмъ—не только низверженіе православія, это низверженіе и христіанства, ибо опровергаетъ основное ученіе Христа, что „царствіе Божіе нудится и нуждницы восхищаютъ Его“. По ученію баптистовъ, христіанинъ спасается кровью Христа чрезъ одну вѣру помимо своего участія въ подвигахъ добродѣланія, нравственная его личность, его дѣянія добрыя или злыя—ничего не прибавятъ и не убавятъ однажды „искупленному не всегда святому“.

Такимъ образомъ здѣсь мы встрѣчаемся съ той же теоріей безразличья добра и зла, которую исповѣдуетъ масонство, исповѣдывали и гностическія секты первыхъ вѣковъ христіанства, стремившіяся

слить язычество съ христіанствомъ, дабы первое поглотило послѣднее. Имя Христа здѣсь служить средствомъ обмана тѣхъ, кто пугается открытой проповѣди матеріализма. Законъ Христовъ налагаетъ узы на похоти плоти и вѣковая борьба противъ христіанства ведется за то, чтобы человечество сбросило бремя Христова закона и отдалось инстинктамъ низменной природы. Къ этой цѣли съ одной стороны стремятся открытые ненавистники Христа — Андреевы, Мережковскіе, Салогубы и вея рать потомковъ распявшихъ Христа на Голгоѣ, съ другой Фетлеры, Прохановы, которые предають Христа цѣлованіемъ, какъ тотъ ученикъ изъ Каріота, который подалъ воинамъ знакъ схватить Иисуса лобзаніемъ въ ланиту и возгласомъ: „Радуйся, Равви!“

Недавно въ одной московской газетѣ изъ лѣвыхъ былъ помѣщенъ разсказъ сотрудника газеты объ его бесѣдѣ съ однимъ москвичомъ, которому баптисты открыли „глаголы вѣчнаго живота“. Тотъ разсказываетъ, какъ онъ мучился, какъ страдалъ сознаниемъ своей грѣховности передъ Богомъ, предъ людьми, когда былъ членомъ православной церкви. Но стоило ему побывать, у баптистовъ и всѣ эти мученія, всѣ угрызения совѣсти — стали для него смѣшными. Въ самомъ дѣлѣ—зачѣмъ плакать, зачѣмъ каяться, зачѣмъ молиться, когда для Бога жизнь его безразлична, ибо Онъ уже спасъ его, спасъ независимо отъ его хотѣнія и усилій.

Вотъ какую легкую, какую соблазнительную вѣру несетъ баптизмъ въ подарокъ русскому народу. Какъ ему не надѣяться, что онъ одержитъ побѣду надъ православіемъ, которое накладываетъ на человѣка иго исполненія заповѣдей и говорить ему, что вѣра безъ дѣлъ мертва.

Гос. Дума въ своихъ заботахъ о возможно безпрепятственномъ распространеніи въ Россіи сектъ и лжеученій, все-таки оговаривается относительно сектъ, противныхъ нравственности и вредныхъ для общественнаго порядка. Мы желали бы знать, къ какимъ сектамъ причисляется баптизмъ? Если къ безвреднымъ, то какимъ образомъ можетъ быть признана безвредною секта, проповѣдующая, что баптистъ не грѣшитъ хотя и пакости дѣетъ? Правда, секта эта, порождающая въ душѣ прозелита смертный грѣхъ гордости не ставитъ въ культъ безнравственность, не предписываетъ ее, какъ какіе-нибудь хлысты, николаиты, адамиты и проч., но если человѣкъ увѣряетъ, что для спасенія—нравственную или безнравственную жизнь онъ ведетъ,—это съ религіозной точки зрѣнія безразлично—какъ думаете — не предпочтетъ ли этотъ „спасенный“ освободиться отъ всего, что его связываетъ?

## МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Варшавской Успенской церкви, 23 февраля, въ сороковой день послѣ смерти протоіеря Ю. Татарова, была отслужена заупокойная по немъ литургія и панихида. Литургію совершалъ протоіерей Наумъ Мизецкій; онъ же въ обычное на литургіи время произнесъ весьма поучительное, сердечное слово. Въ совершеніи панихиды приняло участіе 12 священниковъ и три діакона. Церковь была полна молящихся. На надгробный памятникъ почившему протоіерю собрано около 500 рублей. Начальникъ Привислинскаго Края Генераль-Губернаторъ Скалонъ прислалъ на памятникъ 50 руб. По поводу смерти Ю. Татарова получено много сочувственныхъ телеграммъ и писемъ отъ его учениковъ, сослуживцевъ, б. прихожанъ и почитателей. Въ одномъ изъ писемъ бывшій ученикъ покойнаго и впоследствии сослуживецъ по Ново-Александрійскому институту, пишетъ семьѣ почившаго слѣдующее. „Невыразимо удрученъ извѣстіемъ о кончинѣ дорогого и незабвеннаго Юрія Васильевича. Искренно раздѣляю горе ваше и всей душой скорблю объ этой утратѣ тяжелой не только для вашей семьи, но и для многочисленныхъ учениковъ и почитателей дорогого усопшаго, разсѣянныхъ по всей Россіи. Объ этомъ я, поѣздившій не мало по разнымъ угламъ нашего обширнаго отечества, считаю себя вправѣ убѣжденно вамъ заявить. Да будетъ въ этомъ сознаниіи хоть нѣкоторое облегченіе нашего горя.“ Протоіерей Мальцевъ заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами. „Такъ Господь и не судилъ поправить свое здоровье источниками Наугеймскими нашему незабвенному о. Юрію. Я надѣялся, что съ нимъ увижусь и послушаю его, какъ проповѣдника, но теперь смолкли золотыя уста на вѣки“.

## Замѣтка.

— О входѣ въ св. алтарь женщинамъ. Отъ благочиннаго 3-го округа, Краснослободскаго уѣзда, священника В. Викторова на имя Пензенскаго Преосвященнаго поступилъ рапортъ слѣдующаго содержанія: „Бывшій 24 февраля съѣздъ духовенства вѣреннаго мѣ округа, заслушавъ протоколъ обще-епархіальнаго съѣзда, отъ 12 декабря 1908 года за № 17, объ открытіи по приходамъ епархіи сестричныхъ братствъ и изъявивъ желаніе открыть по всемъ приходамъ округа сестричные кружки, ходатайствуетъ предъ Вашимъ Преосвященствомъ, не найдете ли Вы возможнымъ разрѣшить одной или двумъ сестрамъ каждаго кружка, непременно дѣвцамъ, имѣющимъ возрастъ не менѣе 50 лѣтъ, отличающимся релігіозною настроенностью и добродѣтельною жизнію, входить въ свободное отъ богослуженія время въ свѣтые алтари для мытья въ нихъ половъ“... На ра-

портѣ семь резолюція Его Преосвященства, отъ 2 марта сего года, послѣдовала: „Дать просимое симъ рапортомъ разрѣшеніе въ виду существующихъ постановленій церковныхъ (Правил. 44 Лаодик. Соб.), не нахожу возможнымъ. Только монахинямъ въ своихъ монастыряхъ дозволяется входить въ алтарь для поддержанія въ немъ чистоты (Номокан. 66). („Певз. Еп. Вѣд.“)

## Объявленіе.

XXXIV ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Открыта подписка на 1910 годъ

# ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. Макаровой и издаваемые подъ редакціей П. М. Ольхина.

Подписной годъ съ 1-го ноября 1909 г. Первые №№ высылаются немедленно.

Гр. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей младшаго возраста (отъ 5 до 9 лѣтъ) получаютъ 52 №№ и 48 премій.

Въ числѣ послѣднихъ большая стѣнная картина „Ничья“ акад. Харламова; 12 новѣйш. игръ и занятій на раскраш. и черн. листахъ; 12 илл. книжекъ разсказовъ, повѣстей и сказокъ; 12 вып. „Дневникъ Мурзилки“, „Маленькій Русскій Натуралистъ“, игра „Степка-Расстрепка“ и мн. др.

Гр. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей старшаго возраста (отъ 9 до 14 лѣтъ) получаютъ 52 №№ и 48 премій.

Въ числѣ послѣднихъ: акварельная картина — „Подайте Слѣпому“; 12 иллюстр. кн. Повѣстей, Разсказовъ и Пьесъ для юношества, 8 вып. „Книги Знаменит. Людей“: 6 вып. „Голубая Волна“, Л. Л. Чарской; „Библ. Юнаго Натуралиста“; „Календарь для учащихся“ съ записной книжк. и мн. др.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаются: „Задушевное воспитаніе“ и „Дѣтскія моды“.

Подписная цѣна каждаго изданія „Задушевнаго Слова“, со всеми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ ШЕСТЬ рублей.

Допускается разсрочка на 3 срока; 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніемъ изданія (возраста), обращаться въ конторы „Задушевнаго Слова“, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—МОСКВА: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, или 2) Моховая ул., 22.

**ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.**

**Содержаніе:** Стдѣль I. Епархіяльныя распоряженія и извѣстія. — Отъ варшавской духовной консисторіи. — Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ денежныхъ суммъ Варшавскаго Епархіяльнаго Училищнаго Совѣта за 1909 г. — Стдѣль II. Рѣчь Ѳ. Д. Самарина въ общемъ собраніи братства. (Окончаніе). — Первое привѣтственное слово священника къ новой паствѣ. — Двадцатипятилѣтіе Архипастирства. — Пропаганда балтизма. — Мѣстныя извѣстія. — Замѣтка. — Объявленіе.

Редакторъ. Протоіерей А. Ковальницкій.

Дозволено Цензурою—Варшава, 24 февраля 1910 года.

Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа Краковское Предмѣстье № 3.